

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛОВ ПОНИМАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ¹

© 2010 г. Е. И. Якушкина

В чешском, словацком, сербском, хорватском и русском языках наряду с праславянским глаголом **orzuměti* в значении ‘понимать’ употребляются глаголы с внутренней формой ‘схватить’. За этой оппозицией стоит представление о двух видах понимания: ‘понять значение’ и ‘понять смысл’.

In Czech, Slovak, Serbian, Croatian and Russian languages there are two predicates denoting understanding: the old Slavic verb **orzuměti* and verbs with primary meaning ‘to catch’. This opposition reflects two categories of understanding ‘to understand meaning’ and ‘to catch sense’.

В большинстве современных славянских литературных языков основным средством выражения семантики понимания являются продолжения псл. слова **orzuměti*, производного от **umь* [1, с. 290; 2, с. 44]. Этот глагол до сих пор в большей или меньшей степени известен всем славянским языкам, отсутствует он только в литературном македонском: русск. *разуметь*, *разумевать*, укр. *розуміти*, бел. *разумець*, польск. *rozumieć*, с.-луж. *rozumjeć*, чеш. *rozumět*, словацк. *rozumieť*, словен. *razumeti*, с.-х. *razumeti*, болг. *разумявам*. Наиболее широкая сфера употребления данного глагола из всех славянских языков отмечается в польском, украинском и белорусском языках, а также в словенском и серболужицком. В украинском и белорусском языках набор значений и круг контекстов этих глаголов близок к русскому глаголу *понимать* и даже включает значение чувственного познания, которое отсутствует у этого глагола в других языках, в частности польском. Ср. русск.: *Он сразу понял, что было источником аромата, который он учуял на расстоянии. И тот час же понял, что хочется есть*; бел.: *Ён адразу зразумеў, што было крыніцай паху, які ён адчуў на адлегласці. І ў той же момант зразумеў, што хоча есці*; укр.: *Він відразу зрозумів, що було джерелом аромату, який він відчув на відстані. І в ту ж хвилину зрозумів, що хоче їсти* и польск. *Ja od razu zorientowałem się* (букв. ‘сориентировался’) *co było źródłem zapachu, który wyczulem na odległości. W tym momencie poczułem* (букв. ‘почувствовал’), *że chce się jeść* (Русские тексты заимствованы из работы [3]).

В прочих славянских языках в период с XIV по XVIII в. глагол **orzuměti* был вытеснен на периферию поля лексемами с исходным значением действия рукой – ‘разобрать’, ‘взять’, ‘схва-

тить’²: болг. *разбирам*, макед. *разбира*, *сфака*, русск. *понимать*, чеш. *chápat*, словацк. *chápat*, с.-х. *shvatati*. Наиболее радикально этот процесс прошел в болгарском, македонском и русском литературных языках, в которых лексема **orzuměti* очень редка или вообще не представлена, и менее радикально в чешском, словацком, хорватском и сербском языках, где сформировалась синонимическая пара “разуметь” – “схватить”. Заметим, что болгаро-македонская метафора “разбирать” и метафора “брать, хватать”, развившаяся у других славян, семантически принципиально различны. Об этом свидетельствует македонский язык, в котором глагол *разбира* употребляется примерно в тех же случаях, что и сербский *разумети*, и так же, как сербский *разумети*, противопоставлен глаголу хватания *сфака*. Метафоры типа “схватить” – “понять” известны и другим славянским языкам, однако в них они носят периферийный характер и не оказывают существенного влияния на употребление основного глагола понимания **orzuměti* (ср. статус русск. лексем *схватывать* (на лету) или *улавливать* по сравнению с ядерной лексемой *понять*).

Цель нашей работы – показать, что развитие семантики понимания у глаголов хватания в разных славянских языках шло сходным путем. Отражением этой общности является очень близкое распределение значений между синонимами “разуметь” и “схватить” в современном чешском, словацком, сербском, хорватском языках и в русском литературном языке XVIII в., а также сходные пути развития ментального значения у

² Метафора ‘взять’ – ‘понять’ и ‘схватить’ – ‘понять’ представлена также в разных европейских языках (англ. *to take* ‘брать’, *to catch* ‘ловить’, нем. *begreifen* ‘ловить’, *fassen* ‘хватать’, венг. *felfogni* ‘хватать’, франц. *comprendre* ‘содержать’, греч. *καταλαμβάνω* ‘хватать’, лат. *concipio* ‘собирать, принимать’).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта № НШ-943.2008.6.

глаголов хватания в разных славянских языках. Источником для исследования послужили словари, корпуса и данные поисковых сайтов чешского, словацкого, хорватского, сербского и русского языков, а также анкетирование их носителей.

Вначале мы рассмотрим, какая область значения осталась за глаголом ⁺*orzuměti*, а какая закрепилась за глаголами хватания в центральном славянском ареале (чешском, словацком, сербском и хорватском языках) (1), далее сопоставим эти данные с данными русских текстов XVIII – начала XIX в. (2) и выскажем предположения о причинах формирования семантики понимания у глаголов слав. гнезда **jeŕi* (3).

1. В центральных славянских языках ядром значения глагола ⁺*orzuměti* является языковое понимание, то есть распознавание языковых знаков. К этой группе значений относится, во-первых, общая языковая компетенция типа русск. *я понимаю по-английски*: серб. *разумем енглески*, словц. *rozumiem po anglicky*. Тожественным образом указывается на компетенцию в разных областях знания, которые в данном случае трактуются как знаковые системы, языком которых можно владеть или не владеть: словацк. *rozumiem fyzike*, серб. *разумем физику* ‘я разбираюсь в физике’.

Помимо языковой способности, типичным значением данного глагола является понимание речи. Человек, не разбирающий слов по причине быстроты речи собеседника, скажет: словц. *Prepáčte, nerozumiem. Novorte pomalšie, prosím*; серб. *Извините, не разумем вас, говорите полако* ‘Простите, я не понимаю. Говорите, пожалуйста, медленнее’, Глагол “хватать” ни в значении языковой способности, ни акустического восприятия речи не употребляется.

К характерным объектам глагола ⁺*orzuměti* принадлежат единицы языка и прочие символические знаки (слова, предложения, фразы, жесты) и тексты: чеш. *Té větě nerozumím / Tu větu nechápu*; серб. *Не разумем / не схватам ову реченицу* ‘Я не понимаю этого предложения’; словацк. *Nerozumel som tomuto textu / Nepochopil som tento text* ‘Я не понимаю этого текста’.

Слово как простой языковой знак употребляется только с глаголом ⁺*orzuměti*. Более сложные языковые объекты, содержание которых может не вытекать из смысла составляющих его слов (предложение, фраза, текст), в чешском, словацком и сербском в принципе могут сочетаться с глаголом “хватать”, хотя предпочитают глагол *orzuměti*. Чеш. *Tu větu nechápu / Té větě nerozumím* ‘Я не понимаю этого предложения’. *Nerozumím tomu textu / Nechápu ten text* ‘Я не понимаю этого текста’.

Словацк. *Nerozumel som tomuto textu / Nepochopil som tento text* ‘Я не понял этого текста’. Серб. *Нисам разумео / схватио ову реченицу* ‘Я не понял этого предложения’. То же касается жестов, в силу нежесткой связи в нем означающего и означаемого. Серб. *Нисам разумео / схватио његов гест* ‘Я не понял его жеста’.

Употребление глагола ⁺*orzuměti* в данных контекстах указывает на то, что субъект не понимает, что означает языковая форма, а употребление глагола “хватать”, – что он не может проникнуть в смысл текста, который для него остается неясным, несмотря на абсолютное понимание языковой оболочки. Так, словацкое предложение *Kedže som tak trochu Poliak, rozumel som tým textom* ‘Будучи отчасти поляком, я понимал эти тексты’ описывает ситуацию языкового понимания: человек – поляк, поэтому понимает по-польски. При замене же *rozumel* на *chápat*: *Kedže som tak trochu Poliak chápal som tieto texty* предложение будет описывать культурную ситуацию: человек – поляк, поэтому он хорошо понимает смысл сказанного, его актуальность, важность, подтекст (сам текст, при этом, может быть, скажем, на французском). Эта же особенность отражена в словацком предложении: *Rozumel som tomu, čo ľudia hovorili, rozumel som tomu, čo som videl, ale nechápal som zmysel* ‘Я понимал, что говорили люди, понимал, что происходило вокруг, но не улавливал смысл всего этого’.

Наряду со значениями ‘знать язык’ и ‘понимать речь/текст’ к кругу типичных значений глагола ⁺*orzuměti*, не свойственных его синонимам, относится значение ‘подразумевать’, т.е. наделять языковой знак значением, как правило, неизвестным собеседнику. Словацк. *Čo rozumiete pod týmto termínom?* Серб. *Шта разумете под овим термином?* ‘Что вы понимаете под этим термином?’. Если перефразировать данные предложения, используя глагол “хватать”, то смысл изменится от трактовки языкового знака к трактовке понятия, за ним стоящего. Словацк. *Ako chápete tento termín?* Серб. *Како схватаме мај термин?* ‘Как вы понимаете этот термин?’. Значение ‘считать, что X есть Y’ свойственно глаголу “хватать” во всех исследуемых языках. Словацк. *V staroveku Herodotos chápal históriu ako zisťovanie znalostí* ‘В древности Геродот понимал историю как установление фактов’. Серб. *Сада посао схватам као забавни део живота* ‘Теперь я отношусь к работе как к развлечению’. Глагол ⁺*orzuměti* этого значения не имеет и не употребляется в конструкциях типа “понимать X как Y” или “понимать X так или иначе”.

В противопоставлении синонимов в значениях ‘понимать текст’, ‘подразумевать’ и ‘трактовать’ обнаруживаются принципиальные различия в семантике глаголов. ⁺*Orzuměti* описывает восприятие знака, установление связи между формой и содержанием на основании языковой компетенции. “Хватать” ориентирован на смысл, в который человек проникает на основании экстралингвистической компетенции. С оппозицией ‘понять форму’ – ‘понять смысл’ связано противопоставление более простого и более сложного понимания, тем самым, более общего, объективного и более индивидуального, субъективного. Это противопоставление очень похоже на оппозицию русских понятий *значение* и *смысл*, за которыми стоит два типа содержания, выделенных И.М. Кобозевой: “информация, связываемая с X-ом конвенционально, т.е. согласно общепринятым правилам использования X-а в качестве средства передачи информации” и “информация, связываемая с X-ом в сознании Y-а в период времени T, когда Y производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации” [4, с. 13].

Примечательно, что именно глагол “схватить” может употребляться без объекта как обозначение способности человека хорошо соображать, быстро схватывать: хорв. *Lasno shvaća*, словацк. диал. *Tot chlapec skoro chápe* ‘этот парень хорошо соображает’, *Má visoké čeuo bude dobre chápat* ‘У него большой лоб, он будет сообразительным’ [5, с. 653]. Глагол же ⁺*orzuměti* указывает на норму, стандарт, а не на индивидуальный дар человека. Сербское предложение *Он све разуме* ‘Он все понимает’ описывает общечеловеческую способность, отсутствие которой означало бы, что человек болен.

Идея постижения смысла открыла для глагола “схватить” широкие возможности употребления в значении ‘понять факт, ситуацию’. В современных языках это значение является ядерным для “схватить”, в нем он употребляется наиболее широко, почти полностью вытеснив глагол ⁺*orzuměti*.

В чешском и словацком ⁺*orzuměti* в данном значении встречается очень редко, причем его употребление носит всегда факультативный характер и обычно менее предпочтительно, чем употребление *chápat* / *chápat*. Употребление *rozumět* / *rozumět* в данных контекстах по сравнению с *chápat* / *chápat* не несет никакой особой смысловой нагрузки и является лишь особенностью предпочтений говорящего. Ср. словацк. *Je to ideologická vražda... ktorá má zstrašit spoločnosť, aby každý rozumel / chápal, že stať sa to môže hocikomu, hocikedy* ‘Это идеологическое

убийство, которое должно заставить общество понять, что это может случиться с кем угодно и когда угодно’. В сербском и хорватском ⁺*orzuměti* в данной позиции также в большинстве случаев заменим на *sхватати*: *Схватам / разумем да је то неизбежно* ‘Я понимаю, что это неизбежно’. Об исключениях скажем ниже.

Постараемся ответить на вопрос, когда в данном значении возможно употребление ⁺*orzuměti*.

Глагол ⁺*orzuměti* сочетается с простыми информационными объектами, смысл которых очевиден. Это обычно некий непреложный факт, который, “сам собой разумеется” и может быть познан путем логического рассуждения, дедуктивно, на основании предшествующего знания, по принципу “если А, то Б”. Употребление говорящим глагола ⁺*orzuměti* означает, что по его мнению, любой человек сделает такой вывод. Словацк. *Ako bývalá novinárka plne rozumiem / chápe, akú dôležitú úlohu hrajú médiá v demokratickom živote* ‘Как опытная журналистка я понимаю, какую важную роль играют СМИ в демократическом обществе’. Серб. *Разумем да се од пензије не може живети* ‘Я понимаю, что на пенсию прожить нельзя’.

В сербском и хорватском языках общеизвестные истины житейского и научного характера, а также нравственные нормы предпочитают глагол *rozumeti*. Серб. *Разумем да треба штедети струју* ‘Я понимаю, что необходимо экономить электричество’. *Разумем да се деца морају старати о болесним родитељима* ‘Я понимаю, что дети должны заботиться о больных родителях’. Фактически при объектах такого рода глагол ⁺*orzuměti* указывает не на понимание, а на объективное знание факта, над которым человек не размышляет, а просто принимает как данность той культуры, к которой он принадлежит. В чешском и словацком языках, однако, в данном случае возможны оба глагола, причем *chápat* предпочтителен (так же как и с другими объектами-фактами). Словацк. *Ja chápe že treba šetriť elektrinou* ‘Я понимаю, что нужно экономить электричество’.

Употребление *схватати* в сербском языке с очевидными фактами типа *схватам да се треба старати о родитељима* указывает на понимание не как на автоматическое знание, а как на осмысленную личную позицию говорящего, достояние его опыта и внутренней жизни. Тем более это касается результирующего значения: *Схватила сам да треба штедети струју* (здесь понимание – результат опыта: что-то случилось и человек понял, что нужно экономить электричество). Подобный вид понимания в других славянских языках, в которых отсутствует ментальный глагол “хватать”,

обычно выражается дериватами глаголов с семантикой ‘знать’: русск. *осознать*, словен. *spoznati*, польск. *roznać, uświadomić sobie*, укр. *усвідомити*, бел. *уsvядоміць*. Они указывают на понимание ситуации, которая лично касается человека, а само понимание представляют как внутреннюю рефлексию. Ср. русск. *Я постепенно осознаю, что утратил лучшего друга. Трудно осознать истину*. Интересно, что в чешском и словацком подобные глаголы (*spoznati, uvedomovat' si*) гораздо менее частотны, периферийны, говорящий легко без них обходится, пользуясь глаголами хватания.

В каких случаях возможно употребление только глагола “схватить” и недопустимо употребление глагола ⁺*orzuměti*? Понимание факта или ситуации, обозначаемое глаголом с семантикой хватания, носит опытный характер, это вывод, сделанный на основании наблюдений – внешних признаков, которые человек по-своему интерпретирует: словацк. *Už počas prvého mesiaca služby som pochopil, že som sa dostal do cudzej armády*; серб. *Veћ prvog meseca službe схватио сам да сам се нашао у некој туђој војсци* ‘Уже в течение первого месяца службы я понял, что попал в какую-то чужую армию’; словацк. *Pochopila som že život nie je jednoduchý*; серб. *Схватила сам да живот није једноставан* ‘Я поняла, что жизнь – сложная штука’.

Объект глагола “схватить” обычно сложен, не тривиален и отнюдь не очевиден, его понимание требует от человека определенных душевных и ментальных способностей и усилий. Словацк. *Ešte nikdy sa jej nepodarilo pochopiť tie rýchle a náhle zmeny v sestrinom správaní* ‘Ей еще ни разу не удалось понять быстрые и внезапные перемены в поведении сестры’. Использование “схватить” обычно описывает понимание в динамике как творческий акт, догадку, прозрение, как результат работы, проделанной сознанием, или как озарение свыше. Примечательно, что в.-луж. глагол *zapřimnyć* ‘схватить, понять’ употребляется в близком круге контекстов: *...slova a sady, kotrychž zmysl njemóžeš wšak tak bjeze wšeho z rozumom zapřimnyć* ‘...слова и фразы, смысл которых, однако, не удастся так запросто уловить’. *Jenička možnost, tutu temu ľepje zapřimnyć, je přešlědženje klósterskich chronikow*. ‘Единственная возможность лучше понять эту тему – это изучение монастырских хроник’. *...jako by njemohl zapřimnyć, rozmachuje z rukomaj* ‘в недоумении расставляет руки’³.

³ Автор выражает благодарность С.С. Скорvidу за предоставление данных примеров.

Только глаголы хватания способны выражать интуитивное и чувственное понимание факта, которое достигается не столько работой мышления, сколько действием иных инструментов познания и носит спонтанный и необъяснимый характер. Серб. *Колико пута треба да... покрај мене прођеш с њим па да схватим... како ти ништа не значим* ‘Сколько раз тебе нужно пройти с ним мимо меня, чтобы я понял, что я для тебя ничего не значу’. Словацк. *Jedneho dna započul zvon zo svatyne a náhle sa mi myseľ otvorila. Vtedy pochopil...* ‘Однажды он услышал звон из храма, и вдруг его озарило: Внезапно он понял...’. Ср. несколько русских примеров употребления глагола *понимать* в значении чувственного (зрительного, слухового, вкусового) восприятия, которые в переводе на сербский, чешский и словацкий допускают только эквивалент “схватить”: *Он сразу понял, что было источником аромата, который он учуял на расстоянии*; серб. *Одмах је схватио где је био извор мириса који је осетио на растојању*; словацк. *Hneď pochopil, čo bolo zdrojom vône, ktorú zacítil z diaľky. И тот час же понял, что хочется есть*; серб. *И истог тренутка је схватио да је гладан*; словацк. *А vtom pochopil, že sa mu chce jesť*.

Глаголы “схватить” и ⁺*orzuměti* в значении понимания факта различаются еще одним признаком. Названиями фактов и ситуаций глагол ⁺*orzuměti* управляет только в имперфективной форме и, как правило, в актуальном значении, поэтому понимание ситуации в нем представлено как состояние, а не как действие. Употребление данного глагола с результивной семантикой, то есть в форме совершенного вида прошедшего времени, в сочетании с обозначениями фактов или ситуаций обычно указывает на понимание как результат объяснения, то есть на понимание речевого акта. Русское предложение *Понял я: больше песен не петь*, описывающее вывод на основании различных наблюдений, нормально переводится на сербский как *Схватио сам да не смем више да певам*. Употребление в этом контексте лексики *разумети* меняет смысл ситуации на ‘понять с чьих-то слов, понять приказ, то есть я понял, когда мне сказали больше не петь’: *Разумео сам да не смем више да певам*.

Глагол “схватить” указывает на понимание в динамике. С названиями фактов он обычно употребляется в перфективной форме с результивным значением. В отличие от ⁺*orzuměti*, “схватить” может употребляться в форме настоящего исторического и сочетаться с лексическими показателями скорости (‘быстро’, ‘внезапно’, ‘вдруг’). Ср. серб. *Убрзо схватам што иначе*

не могу органически да га поднесем ‘Я быстро понял, что он мне неприятен’; словацк. *Náhle som pochopil úplne všetko* ‘Внезапно я все понял’. Примечательно, что глаголы хватания вошли в сферу понимания именно с результирующим значением: первыми в новом значении стали употребляться формы совершенного вида прошедшего времени. Согласно Чешскому национальному корпусу, глагол *pochopiti* в значении ‘понимать’ употреблялся еще в XIV в., тогда как имперфективный *chápat(i)* (*chápal*) впервые встречается в текстах второй половины XIX в. В современных языках результирующие употребления хватательных глаголов в сфере понимания также более частотны.

Наряду с языковой и ситуативной сферой, глаголы ⁺*orzuměti* и “схватить” употребляются в значении сочувствия другому человеку, типа русск. *я понимаю твою горе*. В чешском и словацком из сферы человеческого понимания, так же как из ситуативной сферы, ⁺*orzuměti* практически вытеснен глаголом “схватить”. Чеш. *Chápu její žal* ‘Я понимаю ее горе’. *Jsem moc stará na to, abych tu rozuměla / abych ho chápala* ‘Я слишком стара и не могу его понять’. Словацк. *Nechápet ľudí, ktorí svoj súkromný život predajú televízii* ‘Я не понимаю людей, которые свою частную жизнь продают телевидению’. Единственное употребление, которое отсутствует у “схватить” в чешском и словацком, это взаимное понимание (‘понимать друг друга’), обозначаемое только глаголом ⁺*orzuměti*. Словацк. *Francúzsky prezident si očividne najlepšie rozumel so Schröderom a belgickým premiérom* ‘Французский президент, по всей видимости, лучше всего находит общий язык со Шредером и бельгийским премьером’.

В сербском же и хорватском ⁺*orzuměti* обозначает такое понимание, которое является нравственной нормой и синонимично любви, уважению, сочувствию, а *схватити* обозначает не эмоционально-нравственную позицию, а глубокое, целостное осмысление, познание другого человека и его проявлений, проникновение в мотивы его поведения, своего рода философское восприятие другого, что не всегда доступно субъекту. Серб. предложение *Стара сам не могу да разумем* ‘Я слишком стара, чтобы его понять’ свидетельствует о нетерпимости субъекта к конкретным проявлениям человека и указывает на недостаток, вину субъекта, а *Стара сам не могу да схватим* – говорит о беде субъекта (“это не в моей власти, хотела бы, но не могу: принять мировоззрение молодых мешает разница поколений”).

2. Подобно славянским языкам центрального ареала происходило распределение значений в

русской синонимической паре *разуметь* – *понять* в языке XVIII – первой половины XIX в.⁴ В XVIII – начале XIX в. по данным НКРЯ в русском языке значения ‘понимать язык / текст / говорящего человека’ и ‘подразумевать, иметь в виду’ выражались преимущественно глаголом *разуметь*. *Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оной разумеет* (НКРЯ, Ломоносов). *Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может* (НКРЯ, Новиков). *У меня на примете есть один, который что когда напишет, так иной ученый и с грамматикою вовеки того разуметь не может* (НКРЯ, Фонвизин). *Священные законы, определяющие сие устройство, разумеем мы под именем законов фундаментальных* (НКРЯ, Фонвизин). *Благородные разумеются все те, кои или от предков благородных рождены* (НКРЯ, Екатерина II). Последнее значение – единственное, сохранившееся у глагола по сей день и не являющееся устаревшим [6, с. 533–534], ср. *Я разумею книжку о санскрите на английском языке, работы Иванова и Топорова* (НКРЯ, Даниэль).

Глагол *понимать* в сочетании *понимать язык* активно входит в употребление лишь во второй половине XIX в. Среди представленных в корпусе текстов, датированных XVIII – первой половиной XIX в., представлено всего около десятка примеров подобного употребления (первые – Карамзин, 1793; Нарезный, 1814; Погорельский, 1828). Примерно такую же статистику имеет и употребление *понимать что-то под чем-то* (первый пример – митрополит Филарет, 1823–1824).

В XVIII в. глагол *понимать* широко употреблялся в значении ‘осознавать положение дел’, причем часто со сложными, трудно постигаемыми объектами (ср. русск. *постичь, сделать вывод*). *Довольно понимал, что мои недоброжелатели сим способом делают меня у его высочества несчастливым* (НКРЯ, Шаховской). *И как благость Его излианна на все твари Его: то, когда еще и мысль оную совершенно не понимает, но сердце уже чувствует* (НКРЯ, арх. Платон). *Разуметь, напротив, редко употреблялся в этом значении, причем указывал на понимание более очевидного факта, простого и доступного. Чрез сие дуновение Божие разуметь нам дается, что душа наша есть существо по образу Божию созданное* (НКРЯ, арх. Платон). *Он... не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почита-*

⁴Эта пара сформировалась примерно в то же время, что и *разуметь* – *схватить*, то есть в XVII–XVIII веках, подробнее см. об этом п. 3.

ется тяжкими оковами (НКРЯ, Новиков). Все видели и разумели, что сие предприятие супруги княжеской ни с умом, ни с рассуждением человеческим не согласовалось (НКРЯ, Чулков). В языке Пушкина глагол *понимать* употреблялся уже в десять раз чаще, чем *разуметь* в том же значении (она одна бы разумела стихи неясные мои): соответственно 111 и 13 раз [7, с. 537, 958].

Трудно судить о стилистических различиях синонимов в этом значении. С осторожностью выскажем наблюдение, что употребление *разуметь* с ситуациями и фактами более характерно для писателей архаического славянизированного стиля (архиепископ Платон, Новиков). Во всех текстах Фонвизина, представленных в НКРЯ, присутствует только одно подобное употребление, но оно явно восходит к просторечию, а не к книжной традиции. *Матушка, он с тобою амурился! Разумеешь ли ты хотя это?* (Бригадир). Вообще *разуметь* используется Фонвизинским лишь в выше перечисленных значениях: *разуметь* “слово, текст, субъекта речи”; “область знания, дело”; *разуметь* ‘иметь в виду’ (в том числе *что-то через что-то*); как вводное слово *разуметсяя*. Все прочие объекты управляются глаголом *понимать / понять*.

3. Как сформировалась семантика понимания в славянских гнездах со значением хватания, – в силу контактных или внутриязыковых причин – с достоверностью установить весьма сложно. Глаголы ⁺*chapat* и ⁺*chvatati* вполне могли развить новое значение самостоятельно, стихийно (подобный семантический переход типичен, как отмечалось выше), но немецкое окружение (*begreifen, fassen*), безусловно, его поддерживало и стимулировало. В гнезде **ję-/jъt-*, скорее, можно предположить, что новая семантика появилась как сознательная инновация, книжным путем, что и воспрепятствовало широкому распространению новых лексем (исключение, правда составляет русский язык!). Изложим наши аргументы в защиту этой гипотезы.

В др.-русс. языке глагол *пояти (пояти)* [8, с. 1187, 1339–1340] обычно выражал значения ‘взять в собственность, получить’, ‘поймать, схватить’, ‘привести’, ‘затопить’. Значение понимания ему, по всей вероятности, свойственно не было. Хотя в некоторых контекстах лексикографы его и выделяют, но мнения относительно трактовки этих употреблений расходятся⁵.

⁵ Срезневский значение понимания усматривает в тексте *могуци пояти величество толикыя брани* (XIV в.), однако в Словаре русского языка XI–XVII вв. [22, с. 68] значение глагола в этом фрагменте толкуется как ‘справиться с чем-то’.

В изданиях русских памятников XI–XVII вв., снабженных словоуказателями, не удалось обнаружить случаев употребления глаголов *пояти / пояти / понимати / поимати* в значении понимания [9–20]. Правда, Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. у глагола *понимати* выделяет современное значение в тексте 14 в.: *ни аще иногo ничтоже оногo не понимающе. яко убожество и богатство. свобода же еже речем и работа* [21, с. 171].

В картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв.⁶ единственный пример употребления глаголов гнезда **ję-* в значении ‘понимать’ обнаруживается в “Римских деяниях”, переводе с польского языка 1688 г.: *и понял себе что чужеложник некоторой с его женою спит* [22, с. 68].

Последовательно употребляться глагол *пояти / пояти* ‘понять’ начинает в начале XVIII в., причем впервые он встречается в переводных сочинениях. Примеры: *Протчее... из преждеписанного возможно пояти* [23, Кугорн 1702, с. 160]⁷. *Да бы крепость сих наших манир толь лучше пояти возможно было* [23, Кугорн 1702, с. 8]. *Появши сие [устройство] нетрудно будет в практике сочинять* [23, Вобан. Укр. гор. 1724, с. 202]⁸. *Слово Божие толь пространно, высоко же и глубоко, яко умом человеческим... поятися никакoже может* [23, Систима инд., с. 1]⁹. *Сладость разумения от знаменованя сих характеров поемли* [23, Систима, с. 58]. *Словом рещи нравов его никтоже пояти можаше кроме Бога* [23, Систима, с. 8].

В широкое употребление глаголы *пояти / поимати* входят лишь во второй половине XVIII в. В текстах 1700–1730 гг., представленных в НКРЯ, объемом в 100 тыс. слов (документы, письма и сочинения Татищева), слова гнезда *поян-/поимане* встречаются ни одного раза (глагол *разуметь* в разных формах встречается 30 раз). В текстах 1730–1750 гг. слова этого гнезда в современном значении встречаются трижды, в текстах Татищева. В 1750–1760 гг. глагол *пояти / поимати* представлен уже 70 раз – у архиепископа Платона (Левшина) и Ломоносова (правда, глагол *разу-*

⁶ Автор выражает благодарность сотрудникам Отдела исторической лексикографии и исторической грамматики Института русского языка РАН за предоставленную возможность использования картотеки и за помощь в сборе материала.

⁷ Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте... господина барона фон Кугорна. М., 1702.

⁸ Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана. СПб., 1724.

⁹ Книга систима, или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722.

меть в текстах этого периода более частотен, он встречается 259 раз).

“Немецкий лексикон” Вейсмана (1731) глагол *verstehen* ‘понимать’ переводит только глаголом *разумети*: *я домашнего дела не разумею, ты не разумеешь моего намерения, изрядно что разумети, разумеется, он ничего по-гречески не разумеет* [24, с. 687], а глагол *begreifen* ‘схватить, понять’ – глаголами: *осязати, касатися рукою, вмещати* (в первом значении) и *умом понимати*¹⁰, *постизати*: *ich kan das nicht begreifen – в ум мне не вмещается, не могу разумом поняти* [24, с. 73]. Примечательно, что в этом словаре *понимати* употреблено в ментальном значении в сочетании с объектом *ум*: в то время *понимать* еще воспринималось как живая метафора “понимать ← охватывать, вмещать умом”. “Новый лексикон на французском, немецком и латинском языках” Волчкова (1755–1764) использует новый глагол шире и без объектных уточнений: фр. *comprendre* здесь переводится как 1) *понять, уразуметь, fassen, befreifen* и 2) *содержать, обнять, осязать* [25, с. 501], *entendre* – *разуметь, понять* [25, с. 873], *concevoir* – 1) *зачать, принять плод* и 2) *умом понять, разуметь, fassen, befreifen* [25, с. 504].

Представляется неслучайным внезапное распространение глагола *поняти* в новом значении в Петровское время, в эпоху формирования языка науки, взрыва переводческой деятельности и интенсивного влияния немецкого, французского и латинского языков на литературный язык в России [26, с. 50–51]. При этом характерно, что он распространялся в языке переводчиков и авторов, прекрасно владевших классическими и европейскими языками и сознательно относившихся к словоупотреблению¹¹. В слове *поняти* ‘понять’ можно предположить кальку с латинских или немецких, а возможно, и других (французских, а может быть, и греческих) источников, поскольку всем этим языкам известны обозначения понимания с внутренней формой ‘брать, охватывать, хватать’ (см. сноску № 2). Не исключено, что в разное время жизнь новой лексемы поддерживали разные влияния: сначала латыни, потом – немецкого языка, и в 50–60-е гг. XVIII в. – французского. В любом случае развитие значения происходило не в церковно-славянском, в котором оно отсутствует по сей день, а в светском книжном языке нового типа

(ср. ц.-сл. *поняти* ‘взять, забрать’, ‘жениться’ [27, с. 418]).

Возможно также, что *поняти* ‘понять’ не было прямым заимствованием, а обязано своим возникновением существительному *понятие* ‘понимание’, которое лексикографически зафиксировано раньше глагола.

В “Лексиконе трехязычном” Ф.П. Поликарпова-Орлова (1704) глагол *поняти* и его варианты не представлены ни в одном значении, зато в нем содержатся лексемы *понятие κατάληψις* [‘захват, постижение, восприятие’], *capacitas* [‘способность в себе содержать нечто, емкость, объем’, ‘способность к пониманию’] и *понятный χωρητικός* [‘способный вместить’], *δεκτικός* [‘могущий вместить, восприимчивый’], *κατάληπτικός* [‘схватывающий, восприимчивый’], *comprehensibilis* [‘уловимый, познаваемый, восприимчивый’], *capax* [‘вместительный’, ‘способный к пониманию’] [28, с. 30]¹². В начале 18 в. слово *понятие* в значении ‘понимание’ достаточно широко употреблялось в научных сочинениях – переводных или испытавших влияние латинских, греческих и немецких источников. Ср. употребление лексемы *понятие* в Арифметике Магницкого (1703): *понеже заключается в них не ино что, но токмо еже от разума утешение и к понятию обучения... Паки ино показание... предложено, такожде ради лучшаго понятия во исчислении* [23, Арифм. Магн., с. 3]. *Удобнаго бо ради и скорейшаго понятия возводится* [23, Арифм. Магн., с. 244]; “Географии генеральной...” (1718), (перевод с латинского Поликарпова): *Писание Божественное в вещех физических (сиречь естественных) глаголет по мнению и понятию народа общаго* [23, Геогр. ген., с. 45]; “Книге систиме, или состоянии мухаммеданския религии” (1722): *Яко он выше ума и понятия человеческого слова творит и учит* [23, Систима, с. 49–50], “Кратком известии о хинском служении” (1731): *Небесныя советы суть выше понятия человеческим разумом* [23, Кратк. изв. о хинск. служ., с. 254]. Словом *понятие* в начале XVIII в. переводили нем. *Kapazität* совр. ‘емкость, вместимость, способность’: Ср. *Понеже господин Герман, в письме от 9-го ноября свое понятие со особливою умеренностью господину графу Головину открыл* [23, Мат. ист. А.Н. 1724, Т. 1, с. 72]¹³ (слово *понятие* в издании

¹⁰ Первая лексикографическая фиксация глагола *понимати* ‘понимать’.

¹¹ “Переводная книга – один из важнейших источников происхождения иноязычной лексики в русский язык, источник письменных заимствований” [26, с. 61].

¹² К сожалению, не удалось проверить наличие этих слов в “Лексиконе славеноросском” Памвы Берынды 1627 г. в силу недоступности издания. В более ранних текстах, отраженных в картотеке, это слово встречается только в контексте *понятие жены* [23, Кормчая Балаш. 292, первая четверть XVII в.].

¹³ Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 1–3. СПб., 1885–1886.

снабжено примечанием: “в немецком оригинале – *capacitate*”).

Развитию ментальных значений у русских слов *понятие* и *поняти* могли способствовать польск. *pojąć* ‘схватить, понять’ [29, с. 848] и *pojęcie* ‘имя действия от *pojąć*’ [29, с. 849] (ср. факт фиксации нового значения в переводе с польского языка)¹⁴.

Польские лексемы *pojąć* ‘понять’ и *pojęcie* ‘понимание’ в свою очередь могли испытать влияние латыни или немецкого. Брюкнер к польск. *pojąć* ‘схватить, понять’ дает комментарий “ср. нем. *begreifen*”, не называя его калькой [30, с. 202]. Значение понимания у глагола существовало уже в XVI в. и было достаточно распространенным (80 примеров употреблений *pojąć co* ‘понять что-то’ в [31, с. 223–224]), причем в значении ‘понять’ глагол имел те же латинские эквиваленты, что в первичном ‘схватить рукой’ (*concipere, apprehendere, arripere*) и во вторичном ‘взять в жены’: (*capere, accipere, habere*) [31, с. 221, 223–224]. Совпадение прямых и переносных значений латинских и польского слов в свете значительного латинского влияния на польский книжный язык, а также малоупотребительность лексемы *pojąć* ‘понять’ по сравнению с *rozumieć* позволяет предположить в польск. *pojąć* ‘понять’ кальку с латинского. Также вероятно калькирование и в польск. *pojęcie* ‘вмещение’, ‘понимание, познание’, ‘разум’ [31, с. 235].

Изложенному предположению о книжном характере современного русск. *понять* и польского *pojąć* ‘понять’, казалось бы, противоречит присутствие этих лексем в русских и кашубских говорах (кашуб. *pojąć* ‘взять с собой’, ‘жениться’, ‘пригласить’, ‘схватить’, ‘понять’: *tego się nie da pojic* ‘это невозможно понять’ [32, с. 214–216, со ссылкой на *Ramult S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego*)). Кашуб. *pojąć* ‘понять’ может быть результатом внутреннего развития (ср. территориально близкое луж. *zapřimnúć* в том же значении), русское диалектное *понимать* ‘понимать’ – результатом влияния литературного языка, стимулированного типичностью мотивации. Детально проследить историю возникновения этого значения в русских говорах препятствует дифференциальный характер большинства диалектных словарей.

Аналогичное сербское слово *поимати* ‘брать, принимать; понимать’ (у серб. *појети* значение понимания отсутствует) также, по всей вероят-

ности, является калькой. Глагол *поимати* ‘брать, принимать’ в значении понимания впервые отмечен в “Словаре сербского и немецкого языка” Дж. Поповича (1879–1881) в качестве эквивалента для нем. *begreifen* [33, с. 464, 472] и носит книжный характер. Серб. *појмити* ‘взять, осознать’ также позднего происхождения, оно образовано от существительного *појам* ‘понятие’, в XIX в. заимствованного из чешского *pojem*.

* * *

Славянский материал ясно показывает, что типологический характер носит не только модель ‘схватить’ – ‘понять’, но и особенности внедрения глагола хватания в поле понимания, усвоение им новых значений и отношения со старым глаголом поля ⁺*orzuměti*. Семантика нового глагола развивается всегда в одном направлении: от значения ‘понять факт, ситуацию’ к значению ‘понять смысл языкового знака’, с тем отличием, что в разных славянских языках представлены разные этапы этого процесса. Оппозиция “разуметь” – “схватить” зародилась в языке позднего Средневековья, языке духовной литературы, но в полной мере оформилась в Новое время, в языке светском. Сознывая, что появление нового глагола понимания могли вызвать причины контактного характера, отметим, однако, что для этого существовали и причины внутриязыкового свойства. Этот процесс стимулировала потребность языка в выражении новых смыслов, которые не мог выражать глагол ⁺*orzuměti*, а именно индивидуальной, творческой, нередко чувственной и динамичной интерпретации явлений жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1999.
2. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 3. Zagreb, 1973.
3. Иомдин Б.Л. Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
5. Slovník slovenských nářečí. Т. I. Bratislava, 1994.
6. Словарь современного русского литературного языка. Т. 12. М.; Л., 1961.
7. Словарь языка Пушкина. Т. 3. М., 1959.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1902.

¹⁴ Из польского в XVI–XVII вв. активно заимствовались термины филологии, культуры, истории [26, с. 171].

9. Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
10. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. М., 1998.
11. Книга нарицаемая Козьма Индикоплов. М., 1997.
12. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
13. “Пчела”: Древнерусский перевод. М., 2008.
14. Вести-куранты. 1600–1639. М., 1972.
15. Вести-куранты. 1642–1644. М., 1976.
16. Вести-куранты. 1645–1646, 1648. М., 1980.
17. Грамотки XVII – начала XVIII в. М., 1969.
18. Памятники южновеликорусского наречия. Челобиття и расспросные речи. М., 1993.
19. Памятники деловой письменности XVII в. М., 1984.
20. Назиратель. М., 1973.
21. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 7. М., 2004.
22. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991.
23. Картотека древнерусского словаря. Институт русского языка РАН.
24. Вейсманнов немецкий лексикон. СПб., 1731.
25. Новый лексикон на французском, немецком и латинском языках, перевод Волчкова. Ч. 1. СПб., 1755.
26. Биржакова Е.Э. и др. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972.
27. Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 3. СПб., 1847.
28. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище Ф.П. Поликарпова-Орлова. М., 1704.
29. Linde S.B. Słownik języka polskiego. T. II. Cz. 2. Warszawa, 1811.
30. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
31. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 26. Warszawa, 1998.
32. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 4. Kraków, 1906.
33. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. 10. Zagreb, 1931.